

Василий Иванович Немирович-Данченко

Первый удар

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904 — 1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Первый удар**

Брызгалов вернулся с себе очень поздно. Вечер и начало ночи он провёл на крепостных стенах. Старому кавказскому воину показалось странным, что долго не предпринимавшие ничего лезгины в последние дни частью втянулись обратно в ущелья, а частью отошли поближе к горам. И костров сегодня у них было гораздо больше; даже в яркую лунную ночь противу всяких обычаев подоблачные и заоблачные аулы на вершинах гор засияли огнями, точно там шумно и весело праздновали и снизу уздени, и джигиты возвратились туда скоротать время до утра на гудеканах. Степан Фёдорович хмурился, глядя на это необычное явление; он посылал в секреты, — оттуда ему доносили, что горцев, действительно, не видно, что они отступают — к горам, именно туда, где длинными линиями горели костры.

— Ну, слава Богу! — обрадовался Кнаус. — Куда же им, в самом деле, справиться с нашими стенами и укреплениями...

— Не радуйтесь!.. — оборвал его Брызгалов. — Я в это не верю и считаю все их передвижения не только загадочными, но и злове-

цами. Едва ли меня обманывает мой сорока-летний опыт. Я ведь пятый десяток начинаю на Кавказе! Сегодня ночью надо ожидать какой-нибудь гадости... Хотел бы ошибиться...

С мнением коменданта согласны были и крепостные собаки.

В одиннадцать часов всё кругом точно вымерло. Долина реки Самур казалась безлюдной. Ни ржания лошадей, покрывавшего в эти ночи всё кругом, ни говора лезгинских биваков, ни выстрелов, ни священной песни газавата... И чем более стихала ночь, тем ниже опускались седые брови Брызгалова, а глаза его зорче смотрели в сумрак, точно пронизать его хотели и допытаться у окутанных туманом далее, какую тайну они хранят в однообразном мареве... Тишина стала, наконец, тяжёлой, гнетущей как непосильное бремя. Только один Самур со слабым журчанием катил струи... Скоро комендант убедился, что и вглядываться в дали напрасно... Мгла окутала всё, и только на дагестанских твердынях в проснувшихся аулах загорелись бесчисленными кострами народные площади. Непосильно, тяжело, бесконечно тянулось время.

Но вот где-то далеко послышалось тревожное тьяканье собаки. Ещё и ещё. Налево несколько таких залилось оглушительным лаем... Направо тоже... Точно кольцо, составленное этими неусыпными сторожами крепости, всё суживалось и суживалось, отступая к её стенам... За полночь — собаки только изредка подавали голос, а сменившиеся секреты передали, что собаки отступили и лежат уже между солдатами; верный признак, что всё впереди занято притаившимися лезгинами... Брызгалов долго обходил гласисы и парапеты. Роты были на местах, дежурные части лежали наготове, и у солдат чуть слышался тихий, крадущийся говор. Они даже не замечали Брызгалова, когда тот подходил к ним.

— Ты его, главное, на штык прймай...

— Пошто? — встревоженно и нервно спрашивал молодой голос.

— Пошто, — дура голова! По то, что она, азия эта самая, страсть штыка не любит. Ей бы всё свинцовыми орешками швыряться, а сурьёзного бою она не терпит. А только и штыком с умом орудуй: выжидай врага на себя, потому они тоже, брат, не лыком шиты, —

налетит, подставит штыку бок, только ты его пырнул, — а он круть-верть и с другой стороны тебя же шашкой по башке... Народ с хитрецей. Понимает. Бравый народ. Одно слово, — воины.

— И сегодня будет так?

— Как Господь... Прихилились они... Не впервой мне... Случалось тоже. Не дарма это...

— Кто говорит? — громко спросил Брызгалов.

— Я, ваше высокоблагородие! — вытянулся перед ним в темноте солдат.

Степан Фёдорович различил у него на груди два георгиевских креста.

— Стамескин?

— Точно так, ваше высокоблагородие!

— Молодчина... Ты это о чём?

— Новобранцев учу, как встречать неприятеля... Чтобы ему, значит, невкусно наше угощение показалось...

Кругом послышался тихий, сдержанный смех.

Брызгалов улыбнулся тоже.

— Так не жалуется он штыка?

— Терпеть не любит...

— Помните, братцы, одно: первое дело, и второе, и третье — не бояться. Если кто боится, тот пропал, а в ком страху нет, тот и сам спасётся, и врагов победит.

— Точно так, ваше высокоблагородие! — сочувственно отозвались кругом...

— Ты где же эти георгиевские кресты получил?

Брызгалов отлично знал где, но ему нужен был «показ» для солдат.

— Кази Муллу самого под Гимрами мы расхлестали... Отчаянный был, а только нет... Напоролся на наших тенгинцев, — хвостов своих не собрал. Здорово они тогда от нас в горы уходили, — а мы за ними. Сколько горских аулов ихних мы изничтожили. До сих пор, чёртовы дети, помнят...

— А второй?

— А второй, ваше высокоблагородие, наибишку ихнего урой полонили мы под самым Веденём. Точно куроптей накрыли в засаде, — руками взяли. Так крикнули им «уру», что у них ружья попадали. Один, точно, полоснул меня кинжалом в плечо, но только так... говядину порезал, — а кость ему не поддалась. У

меня кость крепкая... Русская кость!

— Так ты думаешь, что сегодня штыками будет работа?

— Точно так, потому гололобые не дарма прихилились. Большую они пакость задумали.

— Тем лучше... Штыкам давно дела не было... Залежались... Покажем им, братцы! С такими орлами как вы чего не сделаешь! Старик, скажите-ка вы им, как мы вместе муллу Уди поучили под Хунзахом... Сколько их приходилось на нашего одного?

— По пятнадцати человек.

— Вот именно. У нас тогда и стен не было, — окружили они нас в лесу... Только мало кто из ихних домой вернулся, чтобы своим рассказать.

Спокойный за свою часть, Брызгалов ещё раз всмотрелся в даль.

Теперь всё заволакивал туман. Белая под лунным светом пелена его стлалась по долине, не прерываясь ничем. Даже течения Самура не видно, только слышалось медлительное роптание его вод. Вверху бездна небес была полна сиянием луны. Оно наполняло её, так

что звёзды тускли и пропадали, и только Сириус сверкал ярко над дагестанскими твердынями.

Брызгалову надо было отдохнуть хоть на минуту. Он вошёл к себе, — тихо приотворил двери к Нине. У неё горели лампы у образов. Сквозь их розовое стекло мягкий свет стлался по комнате... Нина спала, положив разгоревшуюся щеку на ладонь. Степан Фёдорович долго смотрел на неё; должно быть, и она почувствовала его взгляд, потому что веки её затрепетали, и тень от ресниц вздрогнула на щеке... Она даже прошептала что-то и опять заснула. Брызгалов перекрестил её, потом положил поклон перед образами.

— Спаси нас, Господи!.. — тихо проговорил он и вышел к себе.

Он сел в кресло. Ему сегодня нечего было и думать ложиться. Каждое мгновение его могли бы вызвать. Под слабым светом сальной, сильно нагоревшей свечки — едва-едва блестела сталь пистолетов, лежавших на столе наготове, выделялся выцветший и пожелтевший насквозь дагеротип его покойной жены. Он всмотрелся в неё. Из каких-то пятен — ему

одному видимые — выступили знакомые, милые черты.

— Праведница, молись за нас! Я-то что! Я сумею умереть, — её жаль, — уже вслух проговорил он, кивая на комнату Нины. — Её жаль, — за неё!.. Мы — солдаты, — нам такая смерть нипочём!..

Точно его жена могла слышать его в эту минуту. Немного спустя, Брызгалов опустил голову на руку и задремал. Сверчки громко запели в его комнате, в открытое окно с площади доносился звон цикад, наполнявших лунные ночи своими бесконечными песнями со старой чинары... Изредка среди этих обычных голосов слышалось с башни на башню перелетавшее не по обыкновению сонное, а сторожкое и тревожное «слушай!» часового... Вон, мерно ступая, в ногу, прошёл взвод и, тяжело скрипя на ржавых петлях, отворились крепостные ворота; должно быть, часть шла на смену левофланговых секретов... Чутко спит Брызгалов, каждый звук ловит его привычное ухо... И в то же время чудится ему, что из старой рамы дагеротипа, из этой выцветшей и прожухлой пластинки выступило

вдруг совсем живое лицо... Бледное-бледное, но бесконечно доброе, такое, какое он видел перед собою в последние минуты её жизни. Выступило и приближается к нему... И не одно лицо только... Вся она перед ним. Рядом стоит... Кладёт худенькую, бескровную руку с синими жилками на его плечо. И так ему легко и хорошо от её прикосновения... Он чувствует на своём лице её дыхание... И кроткий, тихий голос ему мерещится. Что она говорит, — он разобрать не может, но вместе со звуками этого голоса удивительное спокойствие льётся в его встревоженную душу... Он взял её за руку и удерживает. Та с тихим усилием старается высвободиться.

— Останься здесь с нами! — хочет крикнуть Брызгалов. — Не оставляй нас! — и вдруг вскакивает.

Что это? Треск залпа за крепостью, оглушительный лай собак... оборвавшееся «Алла-Алла!»... Он оглядывается... Дагеротип на своём месте. Свечка совсем нагорела, и чадный дым её тянется вверх густой, чёрной струёй...

— Начинается! — говорит Степан Фёдоро-

вич и, взяв пистолеты, идёт на стены.

Кто-то догоняет его на площади.

— Ваше высокоблагородие!..

Он отличает встревоженный голос солдата.

— Ты, Круглов?

— Так точно. От штабс-капитана Незамай-Козла послан...

— Ну, в чём дело?

— На их высокоблагородие напало видимо-невидимо лезгинов.

— Уж и «видимо-невидимо»! Что это у вас за страсть сейчас!.. — с неудовольствием протянул Брызгалов. — Всегда ты был скверный солдат у меня. Мне бы следовало давно тебя в нестроевую роту передать или в денщики.

Солдат тянулся и замирал.

— Ступай!.. Я распоряджусь, скажи Незамай-Козлу. Да смотри у меня со своим «видимо-невидимо». У страха глаза велики. Теперь тебе кот с быка покажется. Ну... Налево кругом!.. Скорым шагом — марш!

Солдат по форме перевернулся, ударив себя ладонью по ляжке, как делали в те времена, и замаршировал к воротам.

— Ну что, много ихних? — спросили его там.

— Нет, самая малость...

Очевидно, комендантское внушение подействовало...

Брызгалов вошёл на башню. Залпы прекратились... Суматоха слышалась в той стороне. Что это, ему кажется, или действительно так? — точно под тысячами копыт расплёскивается вода Самура, мелкий камень сдвигается под ними... Он перешёл по другую сторону, и там тоже самое. Очевидно, со всех сторон насаждают горцы. Пора вернуть секреты домой. Чего это Незамай-Козёл ждёт там?.. Проморгает ещё, пожалуй, время и пропадёт. Брызгалов приставил ладони ко рту и резко, и недовольно крикнул:

— Штабс-капитан, что вы там ворон ловите...

И не кончил... Ухо его уж уловило мерный топот возвращавшихся частей у стен, на мосту через ров... Ворота опять отворились, и две шеренги секретов вошли в крепость. За ними медленно брели собаки, исполнив сторожевую службу, в которой теперь уже не бы-

ло надобности...

— Все вернулись?

— Точно так! — невидимый снизу Незамай-Козёл ответил невидимому вверху коменданту.

— Пусть нижние чины отдохнут в казармах, не раздеваясь... По тревоге — все наверх... Заложены ли фугасы? Хорошо!.. Поднять мост!.. Ну, теперь — «милости просим»! — весело крикнул он. — Угощение готово, дорогие гости!..

— Дело, брат, плохо! — шепчет один солдат другому.

— А что?

— Ишь, весёлый какой, командир-от. Мы его знаем. Спроста смеяться не будет... Сокол тоже!

— Заряжены ли картечью орудия?

— Готово...

Он и сам в темноте видит, — у пушек вся прислуга начеку. В темноте слабо светятся фитили в руках у фейерверкеров...

— Слюсарев, дай и мне покурить фитиля-то... На одну затяжку, — шутит кто-то.

— Ладно, и без трубочки обойдёшься...

Поймай лезгинского наиба, запали ему красную бороду и кури всласть...

— Покурил бы, кабы огоньку побольше.

— Небось, много его будет. Отбою запрощишь.

— Нет, брат, у нашего командира отбою не полагается.

— Верно! Кто это? Алёхин-орловец, проломанная башка?

— Точно так, ваше высокоблагородие...

— Молодец! Люблю с такими!

Шум расплёскиваемой копытами воды слышался всё больше, но белесоватая мгла не выдавала тайны... Полчища неприятеля казались громадными под её покровом. И вправо, и влево, и впереди, и позади слышались те же звуки...

— Штабс-капитан... Не смей рвать фугасов без команды! Слышите! Дайте им сначала так наброситься... Вы, доктор, что это?.. Да ещё с ружьём...

— Пока ланцета не понадобится, авось, две-три бритые башки попорчу.

— И Левченко вы забрали?

— Ещё бы. Мы с ним ведь Немвроды... Мы

отсюда будем на выбор... Вот и батюшка...

Солдаты всполошились и стали подходить под благословение. Священник осенял их крестом...

Глухой топот лезгинских коней, шорох тысячи пеших — всё ближе и ближе...

— Ракету! — коротко скомандовал Брызгалов.

Ракета взвилась в высоту, красным заревом осветила поверхность к самой земле припавшего тумана, и какие-то пятна, неопределённые и смутные, проступили в нём...

— Со всех сторон ведут атаку... Подлецы... Это Хатхуа, — я его узнаю. Незамай-Козёл, вы ступайте на правый фланг, Роговой, — на левый, Кнаус, будьте здесь!.. Помните, — без меня не смей трогать фугасов! Если я буду убит, — команду принять штабс-капитану. Ну, братцы! Помоги, Господи!

Шапки полетели с голов. Тихий шелест крестившихся придал что-то торжественное этой минуте ожидания. Ни смятения, ни растерянности не было нигде. Брызгалов смотрел на своих людей, и его охватывало чувство восторга...

«Чего не сделаешь с ними!..» — думал он.
Что-то тёрлось у его ног.

Одна из крепостных собак взобралась наверх и ласкалась к нему.

Брызгалов положил ей руку на голову...

— Кто это?

— Филат, ваше в-скородие.

— Не Филат, а Пилад...

— Точно так-с, Филат! Добрая собака. Я с ней в лазарете вместе лежал, — как её бродяга какой-то в овраге кинжалом чкнул. Выпользовали Филатку...

Пилад кинулся передними лапами на шею товарищу-солдату и лизнул его прямо в лицо...

Томительное молчание. Шорох оттуда приближается... Как ни густ туман, но за крепостным рвом уже заметны партии ближайших лезгин... Они перебрасывают через него громадные деревья...

— Наводи! — тихо командует Брызгалов.

Артиллерист направляет прямо на эти места переправы жадные дула орудий...

— Есть! — тихо отвечает наводчик.

— Спасибо!

— Рады стараться!

И всё это шёпотом...

Сейчас они нахлынут...

Стрелки настороже... Они притаились и переводят тоже дула ружей по этим пятнам, точно хотят холодной сталью издали нащупать врага...

— Вот что, ребята... Дай им перебраться сюда, — и не стреляй, слышишь! А как жарнёт их картечь, — тогда и вы оставшихся по эту сторону подберите мне. Слышите?

— Слушаю-с!.. — как шорох сдержанно бежит по рядам.

Из мглы выступают неопределённые фигуры. Согнувшись и точно думая этим скрыться, не дать себя заметить, перебегают через брёвна и уже по эту сторону машут руками тем, которые там, приглашая их присоединиться к себе... Скоро стволов переброшенных деревьев не видать совсем, они сплошь точно муравьями усеяны людьми... Им уже не удаётся удержать тишины. Ружья встречаются с ружьями, шашки с шашками... Они страшно торопятся. Их пугает безмолвие старой крепости. Точно вымерли её зубцы и

башни, бруствера и гласисы... Уж не ушёл ли гарнизон?.. Нет, там тоже ждут. Кто-то сорвался с переброшенного через ров дерева и упал в воду... Крик его застыл в воздухе... Ещё и ещё такие же крики. А крепость всё молчит. Зловеще молчит заранее обречённая жертва.

Брызгалов спокойно подошёл к орудию. Посмотрел, правильно ли наведено. Взял фитиль из рук фейерверкера и приложил его к затравке. Оглушительно крикнула во всё своё медное горло пушка и выбросила целый ливень картечи... Вопли, стоны, проклятия... «Алла, Алла!» — и восклицания раненых; убитые — в воде уже... По ту сторону тоже немало их, — картечь сделала своё дело, и нападающие отхлынули, забыв о тех, которые уже перешли и остались у стен крепости. Но не забыли о них стрелки... Брызгалов коротко им бросил: «пли!», и разом бруствера и зубцы оделись огневою струёю залпа. В отчаянии забегали внизу лезгины, но за ними беспощадно, спокойно и метко следовали тёмные дула ружей. Ещё раз — «пли!», и новые жертвы корчатся на земле в последней агонии... Если бы теперь было светло, защитники крепости

заметили бы многих горцев, которые как кошки, уцепившись за скважины, влезли на стены и как ящерицы точно прилипли к ним.

— Аман, Аман! — кричат внизу раненые. — Аман, Аман!..

Гул проклятий слышался из-за рва, из тумана.

Казалось, что это самый туман кругом весь грянул каким-то одним стихийным криком. Крик этот передаётся дальше, — вся равнина полна им. Он реками вливается в ущелья по ним всползает на утёсы, и с их вершин сверкают беспорядочными огоньками тысячи выстрелов, направленных наугад... Но крепость уже стихла; грозная и молчаливая, — она ждала нового нападения, новых враждебных волн, которые должны были разбиться о её твердыни... Теперь, — когда вся эта равнина горела и сверкала выстрелами, когда утёсы одевались их огнистою каймою, — она казалась тёмным пятном посредине. Безмолвствовали её защитники. Скрестив руки на груди, Брызгалов с башни смотрел вперёд как с рубки капитан корабля, застигнутого бурей... Он, казалось, оценил силу и бешенство напора

этих могучих валов, нёсшихся ему наперерез, удары ветра, грозившего изорвать его снасти и сломать мачты, фосфорические огни молний, падавших отовсюду, и зловещий гул не прекращавшегося грома вверху... Солдаты стояли у стен и так же как он не отводили глаз от тех далей, в туманах и тучах которых теперь рождалась новая буря... Пули падали отовсюду и чмокались о камень зубцов и парпетов, о землю брустверов, свистали в воздухе... С каким-то жалобным жужжаньем точно большие пчёлы проносились над головами...

— Раненые есть? — спросил Степан Фёдорович.

— Трое... — отвечал из темноты невидимый голос.

— Кто такие?

— Сергеенко, Стасюк и Балагаев.

— На перевязочном пункте?

— Никак нет-с!

— Это ты сам, Стасюк?

— Точно так!

— Чего же ты не идёшь на перевязку, да и остальные?

— Раны нестоющие. Колупнуло... Какие, ваше высокоблагородие, раны, коли мы на ногах стоим. И ещё им, гололобым, покажем себя...

— Убитых?

— Никак нет-с.

Вдруг в это время точно фантом показалось снизу что-то белое, тихо подымавшееся на боевую позицию.

— Кто это? — удивился Брызгалов.

— Папа!

— Нина? Зачем ты здесь?.. Разве можно?.. — строго спросил он, идя ей навстречу.

— Папа, мы с доктором были внизу... Ну, если раненые не хотят идти к нам, — мы сами пришли к ним с перевязками. Я уже Балагаева перевязала. В левую руку он, — деловым тоном отвечала Нина...

— Точно ангел... Барышня-то! Быдто с неба, значит, — слышалось в темноте около.

— Теперь Стасюка — вот, да он не даётся. «Нестоющая», — говорит...

Брызгалов не выдержал, взял голову дочери и поцеловал её.

Затишье продолжалось недолго.

Сообразив, что секрет ночной атаки не удался, — горцы теперь уже с шумом и гвалтом приготавливались к новой. Из удалённых ущелий вновь слышался гул, как будто втянувшиеся туда живые реки направились обратно в долину Самура. По ней шли уже явные приготовления к новому бою. Слышались громкие оклики набов и ответы их отрядов. Дидойские хриплые крики сливались с орлиным клёкотом, на который так похож говор хунзахцев. Стройные отзвывы дисциплинированных гимринцев пропадали в взрывах восторженных фанатиков салтинцев. Взвизгивания чеченцев прорезывались в этом общем хоре сама себя выдающей бури. Брызгалов тщательно прислушивался, откуда будет направлен главный удар. Ему хотелось определить, где Хатхуа, бывший самым опасным из врагов. Его безумная храбрость, хорошо известная Степану Фёдоровичу, заставляла опасаться какой-нибудь неожиданности... Коменданту безмолвной теперь крепости не пришлось ждать долго... Вот сквозь весь этот хаос самых неукротимых звуков и криков сначала слышался стройный и тихий хор, и по мере

того, как рос, — остальные звуки или замирали, или присоединялись к нему. Точно из искры разгоревшееся пожарище, — священный гимн газавата раздался справа и теперь уже охватил собою всю массу врагов... Как знамя, он поднялся над нею, перекинулся языками всежигающего пламени на скалы, — как будто и они своими каменными грудями присоединились к общему пению воинственных мюридов... Брызгалов знал теперь, откуда идёт наступление. Хатхуа вёл его прямо на него...

*«Слуги вечного Аллаха!
К вам молитву мы возносим,
В деле ратном счастья просим,
Пусть душа не знает страха»...*

Главным образом шло оттуда...

— Сейчас они крикунов вышлют! — угрюмо улыбнулся Брызгалов. — Штабс-капитан, — без тревоги все резервы из казарм на стены! Всё, что у нас есть... Ваши уж отдохнули?

— Точно так-с!

— Сейчас же...

Тревога бы выдала горцам, что против них

на глазах и брустверах крепости вся наличность её в эту минуту.

Спустя несколько минут, послышался топот роты, выведенной на верх. Строй солдат здесь сгустился. Молчание старой крепости становилось грознее и грознее...

— Нина! Ступай домой! — решительно приказал Брызгалов. — Теперь тебе здесь не место.

— Папа — я к доктору, я ему нужна буду...

— Хорошо! — он её благословил и долго смотрел вслед, как её стройная фигура в белом удалялась, сливаясь с сумраком этой так бесконечно длившейся ночи...

— Левченко!..

— Здесь!

— Ты мастер отругиваться по-лезгински... Можешь теперь вволю...

— Сейчас, ваше высокоблагородие... Пущай только они начнут.

Точно он накликал. Впереди послышался сумасшедший бег коней, и перед крепостью замелькало несколько всадников.

— Ишь, — прошептал Левченко. — Хуже лаков никого не нашли!

— Почём ты знаешь, что лаки?

— А верхи на папахах длинные... Болтаются, что чулок бабий.

— Бояр... Гяур... Собака урус! — слышались оттуда гортанные голоса. — Хады суда. Мы тебя будем как баран башку рубил.

— Смотри... Свои морды берегите! — полезгински ответил Левченко, да пересыпал это такую крупною солью и столь энергическими посулами, что ругавшийся там казикумых приостановился даже, — на своё горе.

Его издали нащупало дуло ружья, и не успел он для ответа рта раскрыть, как меткая пуля ссадила боевого юмориста с лошади. В сумраке видно было, как освобождённый от всадника конь взвился на дыбы и понёсся в туман и тьму долины.

— Ну, кому ещё, черти драные, угодно!.. Подойди-ка!.. — торжествовал Левченко...

— Бояр... Солдат Иван... Ступай к нам, — мы в рабах нуждаемся... Мы вас выучим хинкал варить; нашим бабам служить у печек.

— Скоро вас всех мы в Самуре утопим!.. — кричал другой...

— Наши шашки давно пить хотят. Доста-

точно ли у вас там, у застенных кротов, крови? Хорошо ли вас кормили... А то, может быть, и не сто?ит возиться с вами... Достаточно наших детей прислать с деревянными палками, чтобы они вас выгнали оттуда!..

— Просите, собаки, скорей милости!..

— Нет ли у вас там храбрецов, чтобы помериться с моим байгушем?.. [1]

Левченко, очевидно, узнали там, потому что один голос вдруг заорал:

— Стой, бояр! Это ты, кунак Иван?.. Не бил ли ты кабанов в прошлом месяце в оврагах под Хашитагом?

— Я и теперь собираюсь вас бить...

И перепалка между врагами продолжалась всё время, пока оттуда сдвигались заряженные электричеством тучи, пока воинственные лезгинские дружины медленно наступали отовсюду, суживая своё железное кольцо для решительного удара...

— Ну, теперь благослови Боже! — тихо перекрестился Брызгалов.

Примечания

1

Байгуш — оборванец, нищий, жалкий человек.

[^^^]